

Оя Роберт Рудольф

Омсконная пена
г. МОСКВА

10 АВГ 1972

НЕПРИВЫЧНО знойное для здешних мест лето опрокинуло на этот тихий городок такую массу солнца, что он уже явно томился по неспешным дождям, от которых щедро зеленеют деревья и кустарники возле домов под красными черепичными крышами. Сосновая, Еловая, Тихая — названия улиц тоже по-своему рассказывают биографию маленького эстонского города Кейла, расположенного вдали от моря, от озера, от шумных толп курортников, туристов.

Где-то здесь живет учитель пения и музыки Рудольф Оя. Находим его дом посреди зеленой лужайки и кустов малины, усыпанных ягодами. Настоящая малиновая поляна. Нас приветливо приглашают войти. Усаживаемся в просторной комнате. Старенькое пианино, стопка нот. Кресло. На низеньком столике единственная астра в глиняной плошке. Хозяин — худощавый аккуратный человек. Седая, коротко стриженная голова, светлые глаза смотрят с приязнью, но чуть холодно. Сдержанность, замкнутость, чувство собственного достоинства, кажется, воздвигают в душе эстонца прочную и незблемую крепость собственного «я». Но не будем торопиться в оценке характера народа, как нетороплив он сам в действиях своих, поступках, определении симпатий и антипатий.

Сорок лет, целых сорок лет подряд Рудольф Оя учил детей музыке, хоровому пению. Менялись времена, устои жизни, менялось содержание песен, но по-прежнему существовала в людях страсть к пению, ибо это подлинная национальная страсть Эстонии. Каждый год, входя в первый класс, Рудольф Оя давал один и тот же вопрос: — Дети, какие песни вы знаете?

Он открывал для них мир музыки, мир удивительный, исполненный прекрасной силы, которому отныне и уже навсегда надлежит идти рядом с человеком. Если бы песня и музыка не играли такую роль в жизни его родины, может быть, он и пожалел бы, что избрал их когда-то своей профессией. Ведь он, сын рабочего из Таллина, мечтал в юности стать инженером. Но в тридцатые годы на инженера выучиться было не так-то легко. Для этого требовались деньги, а их в семье

О Певческом поле, многотысячных хорах, о сбереженном и умноженном народном опыте.

ПОЮЩАЯ ЭСТОНИЯ

не было. После окончания школы поступил на учительский семинар. Родители были довольны — преподавание там велось бесплатно. Отец Рудольфа играл на тромбоне в духовом оркестре, мать хорошо пела, и сам он, как большинство эстонских школьников, был хористом.

Он приехал в город Кейла. Было жаль родного Таллина,

узких вымощенных камнем улочек, готических зеленых шпилей средневековых церквей. Но здесь он в свои двадцать лет получил работу, и это была в те времена большая удача. Здесь появилась семья, родились и выросли дети. Здесь состоялась жизнь, долгая и счастливая. Если б это было не так, разве мог сказать человек:

— Работа дала мне столько радости, столько ярких

впечатлений, интересных встреч...

Сорок лет Рудольф Оя не только преподает в школе, но и руководит смешанным хором своего городка, который скоро отметит свое столетие. Молодой девушкой пришла в него работница швейной фабрики Альма Тейман. Сейчас ей 66 лет. Она еще поет.

Каждый двадцатый житель республики поет в хоре. Дети, рабочие, колхозники, учителя, врачи, домохозяйки, ученые, пожарники, рыбаки. Жители больших городов, поселков, деревень, затерянных в море островов — разве перечислишь всех любителей песни! Сейчас проходит Всесоюзный фестиваль советской молодежи. Он посвящен 50-летию образования СССР. А какой фестиваль без песни!

То, что мы привыкли называть художественной самодеятельностью, здесь, в Эстонии, выросло в огромное, всенародное, любимое, ревностно оберегаемое дело.

— ВЫ ПОЕТЕ в хоре? — спросила я пожилого шофера такси.

Он повернулся, внимательно посмотрел на меня и сказал с некоторым недоумением — как, мол, можно задавать такие наивные вопросы:

— Конечно, пою. У нас в таксомоторном парке мужской хор. Во всех певческих праздниках участвовал. Последний был очень-очень красивый.

О последнем празднике, который проходил три года назад, люди будут рассказывать

своим внукам и правнукам. Это был вековой юбилей самой яркой традиции из множества эстонских традиций. На киностудии «Таллифильм» мне показали картину об этом празднике. Даже, сидя один в просмотровом зале, невольно заражаешься атмосферой этого необычного зрелища.

Зеленые и тихие леса Эстонии, поля, возделанные руками упорных, трудолюбивых людей. Женский голос, раздумчивый и тревожный, возникает издали и ведет за собой. Незнакомая песня на незнакомом языке — почему же она так волнует? И уже не сводишь глаз с экрана. Мужчины на грузовиках везут факелы, и вот вспыхивает огонь на главном Певческом поле в Таллине, где собралось почти 30 тысяч участников и 200 тысяч зрителей...

Вамакнул палочкой бесшумный главный дирижер всех республиканских праздников, «король» эстонской песни, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Густав Эрнесакс — и грянул хор, и полилась мелодия. В книжке-проспекте, выпущенной к юбилею, Эрнесакс написал:

«Думаю, что, когда 30 тысяч певцов построится для выполнения своей прекрасной миссии, они будут охвачены единым порывом выплнить ее наилучшим образом. Они не только исполнят свою самую высокую, самую сильную, самую длинную ноту. К этим трем измерениям добавится еще и четвертое. Измерение, которое охватывает одновременно и прошлое, и настоящее, и будущее. Поют не только уста, но и сердца. Слушают не только уши, но и сердца...»

Дирижер говорит языком поэзии. Народ, который считают молчаливым, в едином порыве поет свои песни, и это есть его наилучшее и наивысшее самовыражение. Отчего это происходит и откуда оно, это незаурядное явление? Где его корни?

Эстонцы, может быть, как никто другой, крепко держатся за свой накопленный опыт, обращаются с духовной культурой бережно, экономно, стараясь ничего не расплескать, не затоптать, не потерять в сутолоке исторических событий. Наверное, это оттого, что слишком тяжел был путь на-

(Окончание на 2-й стр.).

Эстония, как тяжела эта каменная земля. Слишком много труда пришлось затратить, чтобы дала она хорошие урожаи, а им может позавидовать любой земледельческий край. Разве бросит крестьянин на пол кусок хлеба, если хлеб этот полнит его потом? И то, что мы называем щедростью души, выражается не на этих усеянных камнями бедных почвах. И не под этими бледными северными небесами может оно жить и процветать. Природа здесь скромна и скупа на краски, а люди на улыбки. Они долго и упорно могут добиваться своего, с методичной последовательностью идти к цели, а достигнув ее, остаться ей верными до конца.

— Мы не можем быстро загораться, — сказал мне Густав Эрнесакс, — но умеем долго не остывать. Мы привыкли много и упорно работать.

Певческие праздники с их многолюдьем, четкой организацией могли жить на протяжении целого века у народа, наделенного именно такими чертами. За короткое время небольшие коллективы, собирающиеся на Певческом поле, превратились в единый, прекрасно звучащий хор — за этим огромный труд, скрупулезно собранный и сбереженный опыт.

Эстонские хоры никогда не были просто для удовольствия или развлечения человека. Они всегда были нервом духовной жизни. Эстонцы очень поздно — лишь в середине прошлого века — сложились как нация. И в этом суждено было сыграть не последнюю роль песне.

Предки современных эстонцев, угро-финские племена появились здесь с незапамятных времен, тысячи лет назад. Позднее поселения ремесленников торговали с Киевской Русью, Скандинавией. С XIII века начинается тяжелое, почти 700-летнее иноземное иго. Немцы, датские, шведские рыцари топтали эту землю, феодалы жадно рвали ее на куски. При Петре Первом, после окончания войны России со Швецией Эстляндия стала губернией Российской империи. Впрочем, губерния своеобразная. Земельные владения остались в руках остзейских баронов-немцев. А вместе с ними и большие привилегии: школы, гимназии, даже университет на немецком языке, засилие пасторов лютеранских ландескирихе. Беспощадный грабег крестьян, опустошение населения.

В Таллине у меня была встреча с доктором исторических наук Эа Аугустович Янсен.

— Я часто думаю, — сказала она, — как странно сложилась судьба нашего народа. Уже была середина девятнадцатого века, в России и в Эс-

тонии складывались капиталистические отношения. А эстонской культуры, по сути дела, еще не существовало. Только фольклор, разбросанный по уездам, только национально-крестьянский быт. Угроза полного растворения, исчезновения с лица земли. Но откуда-то берутся силы, и начинается новый отсчет исторического времени.

Медленно накапливались эти силы, но они заявили о себе громко и решительно. Царские чиновники еще не видели в них опасности для себя и потому на первых порах

ПОЮЩАЯ ЭСТОНИЯ

поддерживали этот рычаг для борьбы с немецко-баронским влиянием. Первый драматический кружок, а затем театр «Ванемуине», школа на родном языке, газета, первые певческие праздники. Даже сбор фольклора — невиннейшее, почти идиллическое занятие! — стал знаменем национально-освободительного движения. А песни, сельские хоры — ну что, казалось бы, здесь революционного? Да и создавались они поначалу при деревенских школах или церквях. Руководили ими учителя, органисты, а то и пасторы. Но постепенно эстонская песня вытеснила торжественные хоралы, стала полновластной хозяйкой. Та самая песня, которую чужаки-аристократы считали грубой и примитивной.

Она звучала, как набат, как боевой клич для униженных и угнетенных. Люди, которые привыкли жить разобщенно на мызах и хуторах, собирались вместе, настраивали скрипки, приносили старинные инструменты: кантели, волынки. Репетиции были похожи на своеобразные митинги, только вместо речей звучала музыка, гремели мужские хоры. Женщины в те времена еще не ходили на спектакли, они пели за пряхками, ткацкими станками да над детскими колыбельями.

В 1869 году в Тарту проходил первый певческий праздник. На него собирались люди из разных уездов и приходов, с разных концов Эстонии. Ехали на подводах. Развешались украшенные цветами и лентами конские гривы, развешались знамена. Каждый хор имел свое знамя. Теперь многие из них, как священные реликвии, хранятся в Таллине, в Музее театра и му-

зыка. На том празднике выступало 45 мужских хоров, 4 духовых оркестра — всего 800 участников и тысяча слушателей. По нынешним понятиям — праздник одного крупного района. Тогда же это считалось грандиозным событием.

Даже, если рассматривать движение, в котором зарождалась национальная культура Эстонии, не только «с колокольни» маленькой земли, прилепившейся к Балтийскому морю, а брать более широкий исторический фон, и то поражают его сила, размах.

В нем принимали участие люди разных направлений.

В разные времена находились люди, подчас далекие от истинной жизни своего народа, присваивающие себе миссию радетелей за его интересы. На самом же деле они разжигали рознь между нациями, вбивали меж ними клин, иногда довольно крепкий. И в конечном итоге все это выливалось в узкий национализм или шовинизм. Национальные чувства подчас принимают характер острый, болезненный. Недаром одним из главных лозунгов марксизма-ленинизма стал лозунг равноправия наций больших и малых.

Эстонские хоры вызвали к жизни бурный рост музыкальной культуры, которая сейчас, в советское время, достигла своих истинных вершин. Если говорить о росте культуры республики в широком смысле, то достойно восхищения и удивления, как много сделано за столь короткий отрезок времени, особенно за последние 30 лет. Ведь эта культура буквально вырывалась из бедной земли, из крестьянских бревенчатых изб, называемых когда-то ригами, где под одной крышей жили и люди, и коровы, и лошади. На сложных перекрестках пути нации переплетаются разные влияния. Судьба страны, края выковывается не в вакууме. Народ всегда готов взять у другого то, что полезно для него.

Если же говорить о нашем времени, о конкретных условиях содружества республик, то взаимное влияние, настоящая дружба обогащает народы. Все вместе они составляют невиданную в мире богатейшую мозаику, подлинную сокровищницу национальных культур.

...Шло время. Эстонские певцы участвуют в революции 1905 года. Фабричные рабочие пели «Варшавянку», «Марсельезу», «Интернационал». Кстати, одна из крупнейших забастовок в царской России произошла здесь, на Кренгольмской мануфактуре, сто лет назад. Рабочая газета «Киёр» когда-то писала: «Настанет и в Эстонии время, когда будут устраиваться всенародные рабочие праздники. Но для этого необходимо, чтобы они проводились не по программам пресмыкательства и раболепства перед

господами».

СОВРЕМЕННЫЕ певческие праздники — неповторимое, уникальное зрелище. На них съезжаются люди со всех концов страны, из-за рубежа. Песня, да еще такая одухотворенная, возведенная в ранг события первостепенной важности, покоряет и зачаровывает людей разных наций. Создана главная комиссия республиканского певческого праздника. Возглавляет ее заместитель Председателя Совета Министров Эстонской ССР. А еще оперативный штаб, подкомиссии... Это — работа, да еще какая! Работа в районах, колхозах, школах. Можно позавидовать тому, как поставлено здесь музыкальное образование детей в общеобразовательных школах. Создано много детских хоров. Этим летом проходил очередной, третий по счету праздник песни и танца школьников республики. Перелистываю его программу — республиканский ансамбль юных скрипачей, хоры мальчиков, ансамбль аккордеонистов, русские хоры, духовые оркестры, заслуженный детский хор Эстонии «Эллерхейн».

Я уже говорила о необыкновенной приверженности эстонцев к старым традициям. Что касается песни, то это еще и семейная традиция. Любовь к пению, музыке передавалась от поколения к поколению. Аксель Паюпуу, дирижер, заслуженный деятель искусств ЭССР, главный режиссер республиканских певческих праздников, происходит из крестьянской семьи. Отец играл на органе, скрипке, мать и все шестеро детей составляли семейный хор. У композитора Вельо Тормиса, очень интересно ищущего новый подход к национальному музыкальному материалу,

отец был сельским организатором. Инженер-технолог таллинской кондитерской фабрики «Калев» Тийу Мартенс рассказала мне, что и дед, и отец ее пели в хорах. В роду механика, отличного корнетиста фабричного оркестра Раймонда Кинку тоже пели, играли на различных инструментах.

Бережно сохранять, совершенствовать свой национальный репертуар, самозабвенно любить свое, но и не отворачиваться от другого. Национальное и интернациональное должно идти рука об руку. Это очень хорошо понимает Густав Эрнесакс, человек, отдавший песенному искусству жизнь. Еще не окончившая война, когда он вернулся из эвакуации из Ярославля и начал готовить певческий праздник. Песня по своей природе интернациональна, говорит он. Ее не обязательно переводить. Со своим Государственным Академическим мужским хором Эрнесакс объездил немало городов и стран. Ему пишут с Дальнего Востока, с Урала, из Подмосквы. Пишут люди, побывавшие эстонскую песню. Надо соревноваться с собой, а у других учиться, считает артист. В Грузии его восхитили многоголосые мужские хоры. На Всесоюзном фестивале самодельных хоров, проходившем в этом году в Таллине, Эрнесаксу очень понравился хор студентов из Москвы, женский хор из Киргизии.

— Разве можно сказать, какой цветок лучше? У каждого свой запах, цвет, свое очарование. И было бы очень грустно, если бы однажды на земле выросли одинаковые цветы, пусть даже красивые. Каким скучным стал бы мир...

ДУМАЮ, не случайно именно в песне выразили себя эстонцы с наибольшей полнотой и проникновенностью. Очень музыкален и певуч язык этого народа. Его необычайная мягкость, протяжность прямо заворачивают. Женские имена легкие и нежные: Эви, Эне, Леа... А песня по-эстонски — «лаул».

Этот красивый язык очень труден для изучения. Наверное, поэтому многие русские, живущие здесь много лет, не говорят по-эстонски. А эстонцы еще с трудом преодолевают нелегкий путь к русскому. Но время свое возьмет.

Эстония проникает в сердце медленно, но остается там навсегда. С островными крышами старого Таллина, с тихим парком Кадриорг, с дорогами, бегущими мимо лесов и озер, с морем, окаймленным белыми песками. Сдержанная, молчаливая, немного суровая, поющая громко и чисто Эстония.

К. КОЖЕВНИКОВА.
(Наш спец. корр.).
Эстонская ССР.